Д. А. МАРТИНОВИЧ

РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ «СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА» В РСФСР (1918 – начало 1920-х гг.)

Рассматривается модель «свободного университета», реализованная в РСФСР в 1918 – начале 1920-х гг. Анализируются причины разработки и основные положения этой модели. Называются факторы, которые привели к отказу от «свободного университета».

This paper examines the free university model, as implemented in Soviet Russia between 1918 – early 1920s, providing an analysis of the rationale behind its creation, its basic principles, and the factors that led to abandoning the free university.

Первые послереволюционные годы стали временем разработки новой властью концепций советской высшей школы. В историографии сложились две трактовки этого периода (с Октябрьской революции до начала 1920-х гг.). Одни исследователи выделяли его в качестве самостоятельного временного отрезка[1], другие рассматривали в целом итоги первого десятилетия в развитии советской высшей школы[2].

Однако практически всех историков объединяла общая тенденция: следование линейному принципу развития высшей школы в СССР после 1917 г. По мнению Е. Э. Платовой, этот принцип проявлялся следующим образом: «Любые решения и акции, проводившиеся руководящими партийными и советскими органами, директивными инстанциями, рассматривались как назревшие, обоснованные, оправданные. Те или иные просчеты, нелепости и противоречия, имевшие место в деятельности тех или иных руководящих органов, освещались как просчеты, нелепости, противоречия лишь в тех случаях, когда они именно таким образом расценивались в очередных, еще более мудрых решениях самых авторитетных руководящих структур»[3]. Данная характеристика относится к советскому периоду в историографии. Однако изучаемый принцип можно считать общим практически для всех исследователей, которые рассматривали высшую школу сквозь призму советизации и пролетаризации вузов. Разница заключается в том, что в советское время эти процессы воспринимались положительно, в постсоветское – отрицательно. Такой подход создавал впечатление, что большевики практически сразу после прихода к власти сформулировали конкретную стратегическую цель (полностью контролируемая ею высшая школа, где учится пролетариат) и лишь вынужденно в зависимости от ситуации шли на определенные тактические отступления.

Анализ документов позволяет говорить о разработке оригинальной концепции высшей школы, предпринятой большевиками вскоре после прихода к власти (автор предлагает назвать ее моделью «свободного университета»). Необходимо отметить, что ряд ее положений, а также общая ценностная платформа абсолютно противоречили дальнейшим преобразованиям вузов, которые происходили в 1920-е гг.

На разработку модели «свободного университета» повлияли следующие обстоятельства. Рассматриваемый период развития высшей школы России приходится на время «классического университета» (XIX – середина XX в.)[4]. Для него были характерны свобода преподавания, свобода обучения, сочетание обучения и научных исследований, что содействовало учебному процессу на базе последних достижений науки. Финансовая поддержка таких университетов со стороны государства была обусловлена необходимостью проведения широкой исследовательской практики. Нельзя не отметить одновременную зависимость университетов от государства и при этом их автономию по отношению к государственным институтам[5]. Двумя альтернативными вариантами развития «классического университета» являлись «либеральная» и «прагматическая» модели. Однако последняя, разработанная во второй половине XIX в., была практически неизвестной в Российской империи.

В дореволюционной высшей школе России доминировала «либеральная» модель «классического университета», модифицированная в условиях тогдашней политической системы. Характерными чертами модели являлись элитарность, привилегированное положение в обществе специалиста, закончившего вуз, ориентация на абсолютные ценности, усваиваемые и транслируемые активным объектом культуры, а также авторитет (культ) педагога, что обусловливало монологические формы обучения[6]. Влияние власти проявилось в сословном характере образования, недостаточном количестве учебных заведений и т. д.[7]

В дореволюционный период РСДРП не имела продуманной, целостной программы преобразований высшей школы. В партийной программе был представлен тезис о праве «населения получать образование на родном языке»[8], что скорее относилось к сфере начального или среднего образования. В результате большевики, которые входили в Государственной Думе в единую фракцию социал-демократов, поддерживали лозунг автономии высшей школы, хотя связывали ее достижение со своими целями. Представители фракции критиковали политику руководителя Министерства народного просвещения Л. А. Кассо, направленную на ликвидацию автономии высшей школы.

Они подчеркивали, что осуществить реформу высшей школы возможно лишь при изменении социального строя. Например, Е. П. Гегечкори считал, что «автономия высшей школы может явиться только как последствие революционного движения». Н. С. Чхеидзе утверждал, что «свободная наука может существовать только у свободного народа»[9].

Поскольку большевики не разбирались в теоретических проблемах высшего образования, они не видели разницы между «либеральной» моделью «классического университета» в чистом виде и в том варианте, в котором она была реализована в России. А так как их отношение к императорской власти (как чуждой им с классовой точки зрения) было отрицательным, оно полностью переносилось на высшее образование.

Придя к власти, большевики уже в начале 1918 г. приступили к реформам в сфере высшего образования (вопрос впервые был поднят в январе[10], реальная работа над реформой началась весной 1918 г.[11]). Как уже отмечалось, ранее принятый план преобразований у большевиков отсутствовал. Разработать оригинальную концепцию в сжатый период времени было невозможно. Поэтому думается, что проект власти, с одной стороны, являлся зеркальным отражением дореволюционного варианта высшей школы и должен был устранить недостатки последнего, а с другой – олицетворял атмосферу грядущей мировой революции и надежды на освобождение пролетариата от власти буржуазии.

Доклад М. А. Рейснера, прозвучавший в июле 1918 г. на первом совещании по реформе высшей школы, позволяет выделить следующие положения проекта. В ответ на элитарность и отчасти сословность дореволюционной высшей школы новая концепция предусматривала полную свободу для обучающихся. Она должна была реализоваться через «отказ от всякого ценза»: по вере, национальности, плате за обучение (предлагалось сделать его бесплатным), образованности (у поступающего категорически запрещалось требовать свидетельство об окончании среднего учебного заведения), что автоматически приводило к допуску в университеты всех желающих. Это решало проблему нехватки в стране лиц с высшим образованием. Также предполагалось отменить дипломы после окончания вуза[12]. В результате выпускники университета теряли свое привилегированное положение в обществе.

Принцип сочетания обучения и научных исследований решительно отклонялся основными авторами реформы. Для того чтобы «каждый деятель высшей школы мог выбрать наиболее соответствующий его дарованию и научному влечению способ научной или учебной деятельности», предполагалось создать три университетские ассоциации: научную, учебную и просветительскую. Причем каждый преподаватель вуза должен был состоять только в одной из ассоциаций[13]. Предполагалось, чтобы «находящаяся в центре Научная Ассоциация была для всех факультетов Академией»[14].

Для высшей школы Российской империи на последнем этапе существования этого государства было характерно отрицательное отношение к автономии и борьба с ней. Соответственно в выступлениях руководителей НКП неоднократно подчеркивалась верность ее принципам: «Подотчетной является вообще вся деятельность Университетских Установлений и, в частности, Научной Ассоциации и ее членов, ибо общество, не вмешиваясь в самый ход автономной деятельности органов Университета, в то же время вправе знать о том, насколько действительно они выполняют принятые на себя задачи»[15]. Это положение также предусматривало свободу обучения. «Мы предоставляем факультетам полную свободу предъявлять требования своим слушателям, – говорил М. А. Рейснер <…> автономию какому угодно факультету читать какие угодно предметы и т. д. В этом отношении нет никаких средств, стесняющих свободу ученых <…> мы предоставляем полную свободу Университетам, останутся ли они при старых программах, или выработают новые – это их дело. <…> Программы циклов науки должны быть так составлены, чтобы студенты имели возможность выбирать по своему желанию изучение любого предмета»[16]. В дальнейшем власть неоднократно подчеркивала верность принципам автономии[17].

В научной среде Российской империи, как и в других странах, существовала своя иерархия, стабильность преподавательского состава, достаточно низкая текучка кадров. В противовес существующей системе большевики намеревались упразднить ученые степени как условие занятия кафедры, ввести обязательный и открытый конкурс для замещения руководителей кафедр, выбирать профессуру сроком не более пяти лет как «непременное условие, чтобы обновить Университет, создать цвет профессоров страны»[18]. Позднее этот срок был увеличен до 7 лет, тогда как профессура настаивала на 25-летнем временном отрезке[19].

С этой же целью новая власть ориентировалась на коллегиальный принцип управления университетом, отказ от единоличной власти со стороны ректоров и деканов, увеличение роли учащихся в управлении вузами[20]. Согласно проекту власти, управление вузом должно было осуществляться «Объединенным Советом Ассоциаций, Объединений, Факультетов и других его установлений,

Хозяйственным комитетом и Советом Старост». Объединенный совет создавался из советов трех ассоциаций, причем студенты должны были составлять одну четвертую часть в научно-учебной и просветительской ассоциации. Выборы должны были проходить на один год[21].

Предложенный государством проект может быть назван моделью «свободного университета», поскольку он не предусматривал ориентацию на какую-нибудь ценностную или идеологическую платформу, отменял какие-либо ограничения, связанные с высшим образованием, а также предполагал возможность всеобщего высшего образования и полную открытость вузов.

Однако в результате проект оказался внутренне противоречивым. Как и в ситуации с «либеральной» моделью, черты «классического университета» противоречили модификациям, предпринятым государством. Например, принцип автономии подразумевал право профессуре самой решать свои внутренние дела, что нарушалось самим фактом навязывания государственного устава. А введение научной ассоциации никак не соотносилось с принципом единства обучения и научных исследований.

Но главным противоречием являлось разное понимание принципа автономии. Весьма характерен отрывок из письма ректора Московского университета Д. Б. Боголепова секретарю ЦК ВКП(б) В. М. Молотову. Боголепов рассматривал автономию высшей школы «как свободу научного исследования и приспособление учебных планов Наркомпроса к данным местным условиям. Что же касается области управления, выбора должностных лиц, то здесь можно дать только право мотивированного представления, а о какой-либо автономии здесь не может быть и речи»[22].

В результате итоги реализации модели «свободного университета» были абсолютно неутешительны для власти. Практически каждое положение модели провалилось или сыграло в политической борьбе против своих создателей. Принцип всеобщего высшего образования не привел к радикальной поддержке новым студенчеством инициатив власти. Студенческие забастовки, прошедшие в Москве, Петрограде, Харькове, свидетельствовали о поддержке учащимися принципов «либеральной» модели «классического университета».

Попытки увеличить количество вузов искусственным путем также не привели ни к какому результату. Уже в мае 1919 г. М. Н. Покровский на заседании коллегии отдела высших учебных заведений констатировал: «...почти каждый губернский город стремится устроить собственный университет, не имея в то же время ни материальной возможности, ни соответствующего состава преподавательских сил, рассчитывая исключительно на преподавательские силы Петрограда и Москвы, которые сами не достаточно обеспечены»[23].

Поскольку власть использовала в своих речах принцип автономии, не соблюдая ее, профессура и студенчество получали возможность бороться за «чистый» «классический университет». Партийные лидеры, которые считали, что уже предоставили высшей школе автономию, рассматривали такую позицию как проявление контрреволюционных взглядов. Это привело к фактической ликвидации автономии высшей школы в 1921–1922 гг., что явилось рубежной датой для функционирования модели «свободного университета». Решающими обстоятельствами, повлиявшими на ее крах, стали противоречие между элементами модели, крах политики «военного коммунизма», олицетворением которой в сфере высшего образования являлась модель «свободного университета», а также острый финансовый кризис начала 1920-х гг., который привел к невозможности одновременного функционирования значительного количества вузов. Совокупность этих факторов заставила власть отказаться от модели и начать поиск новой мировоззренческой основы советского высшего образования.

[1] См.: Юхвец М. А. Борьба Коммунистической партии за создание советской высшей школы (1917–1920): Дис. … канд. ист. наук. М., 1954; Лебедева Э. Н. Высшая школа РСФСР периода ее революционных преобразований 1917–1920 гг. в советской историографии: Дис. … канд. ист. наук. М., 1980.

[2] См.: Браславский И. Я. Первое десятилетие советской высшей школы (1917–1927 гг.) // Вестн. высш. шк. 1957. № 6; Соскин В. Л. Высшее образование и наука в советской России: первое десятилетие (1917–1927 гг.). Новосибирск, 2000; Платова Е. Э. Жизнь студенчества России в переходную эпоху 1917–1927 гг. СПб., 2001.

[3] Платова Е. Э. Жизнь студенчества России в переходную эпоху 1917–1927 гг. СПб., 2001. С. 6.

[4] См.: «Быть русским по духу и европейцем по образованию» = Russian in spirit and European by education. М., 2009. С. 11.

[5] См.: «Быть русским по духу и европейцем по образованию»… С. 17; Вейль Г. Университеты и наука в Германии. Математическое мышление. М., 1989. С. 312; Паульсен Ф. Немецкие университеты и их историческое развитие. М., 1898. С. 88–95, 109–110; Поляков Н. В., Савчук В. С. Классический университет. Днепропетровск, 2007. С. 104, 107, 110.

[6] См.: Петрова Г. И. Классический университет в неклассическое время. Томск, 2010. С. 42.

[7] См.: Плешков А. «“Классический” университет – традиция или архаика»: круглый стол // НЛО. 2010. № 103 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/pl46.html. Дата доступа: 05.04.2012.

[8] Полный сборник платформ всех русских политических партий. М., 2002. С. 15.

[9] Воробьева Ю. С. Общественность и высшая школа в России в начале XX в. М., 1994. С. 44.

[10] См.: Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа, 1973. С. 95.

[11] См.: Кейрим-Маркус М. Б. Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса (ноябрь 1917 – середина 1918 г.). М., 1980. С. 63.

[12] См.: ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 18. Д. 285. Л. 72, 73.
[13] Там же. Д. 28. Л. 4.
[14] Там же. Л. 74.
[15] Там же. Л. 5.
[16] Там же. Л. 73 об., 74.
[17] Там же. Д. 64. Л. 45; Д. 52. Л. 17, 54.
[18] Там же. Д. 28. Л. 73.
[19] Там же. Д. 64. Л. 13 об.
[20] Там же. Д. 28. Л. 98 об.
[21] См.: ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 18. Д. 64. Л. 47.
[22] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 176. Л. 5.
[23] ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 18. Д. 48. Л. 57.

Поступила в редакцию 10.04.12.

Денис Александрович Мартинович – аспирант кафедры истории России. Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России О. А. Яновский.

А. В. РУСАКОВИЧ

БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Исследуется межгосударственное взаимодействие между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Германия в условиях глобализации, анализируются направления белорусско-германского сотрудничества в различных сферах, особенности развития политических отношений между двумя государствами.

In article are analyzed cooperation between Belarus and Germany in conditions of globalization, the Belarusian-German cooperation in various fields, features of political relations between two states.

Современный мир находится на этапе фундаментальных и динамичных изменений, затрагивающих интересы всех государств. Республика Беларусь в полной мере включена в процессы глобализации, которая обусловила высокий уровень взаимодействия государств в различных сферах, что вызывает модернизацию международных организаций, создание новых и укрепление действующих региональных структур. Контуры современного мирового порядка во многом основываются на расширении международного регулирования сфер жизни, которые ранее традиционно относились к исключительно межгосударственным. Международное сообщество в полной мере ощутило глобальные вызовы, связанные с проблемой изменения климата, исчерпаемости природных ресурсов, роста населения в ряде регионов и т. д. Усилилась конкуренция государств на мировой арене в различных областях, мировой финансово-экономический кризис обозначил новые составляющие глобальных угроз, выдвинул проблему модернизации основ микроэкономического регулирующего механизма. Глобализация не только поставила перед мировым сообществом новые вызовы, но вместе с тем предоставила новые возможности, использование которых для социально-экономического развития государств является основным лейтмотивом деятельности правительств. В настоящее время на повестку дня выдвигается проблема развития взаимовыгодного партнерства, как многостороннего, так и двустороннего, для модернизации внутренней и внешней политики. Для Республики Беларусь это имеет решающее значение, и в сфере межгосударственного взаимодействия с ведущими государствами мира приоритет должен быть отдан раскрытию имеющегося потенциала двусторонних отношений. В этом плане важный аспект – рассмотрение межгосударственных отношений между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Германия, изучение возможностей расширения сотрудничества в условиях глобализации, анализ проблем и сложностей, которые имеются в сотрудничестве на современном этапе, что и является целью данной статьи.

Белорусские ученые традиционно уделяли значительное внимание изучению белорусско-германских отношений. Работы П. Кравченко, В. Шадурского, А. Шарапо, А. Русаковича, А. Розанова, А. Тихомирова, В. Снапковского, М. Стрельца, В. Фрольцова, В. Улаховича и других авторов посвящены исследованию основных направлений и особенностей внешней политики Беларуси и Германии в 1990–2000-х гг., анализу двусторонних отношений. Германские ученые Ф. Гарбе, А. Зам, Х. Клемент, А. Лоренц, М. Лепперт, Р. Линднер, А. Рар, Х. Тиммерманн, Х. Л. Форстер, Э. Шнайдер, Р. Шарфф, М. Штаак и др. исследовали в своих работах проблемы внутренней и внешней политики Беларуси в 1990–2000-х гг. Российские исследователи К. Коктыш, А. Мальгин, И. Максимычев, С. Рогов, Д. Тренин, Т. Шаклеина и др. рассмотрели отдельные аспекты внешнеполитического курса Беларуси, включая проблемы отношений Беларуси с ЕС и Германией.

Белорусско-германское сотрудничество в настоящее время включено в систему глобального взаимодействия и вместе с тем имеет ряд особенностей, которые обусловлены объективными